

Е Цзюньшу, сверяясь с памятью, бежал вглубь леса и после долгих поисков наконец нашел нужное место. Ему повезло: «сыпница» всё еще росла там. Облегченно выдохнув, он аккуратно, через слой ткани, сорвал растения, тщательно их упаковал и поспешил вниз с горы.

Оказавшись у подножия, он поднялся на возвышенность, откуда открывался вид на его дом. Родные стены были едва различимы вдаль, и сердце Цзычжоу рванулось домой. Однако он внезапно замер. Лицо его стало предельно серьезным: интуиция подсказывала — что-то не так.

Е Цзюньшу инстинктивно затаил дыхание. Используя приемы, которым его учил дядя Ли для выслеживания дичи, он начал бесшумно приближаться, скрывая свое присутствие. Он не смел подходить слишком близко, опасаясь обнаружения. Прислушавшись, он уловил приглушенные звуки игр близнецов. Вроде бы ничего необычного, дети в порядке — и то слава богу.

Он тихо отступил. Но раз уж он почувствовал неладное, значит, у дома притаился чужак. Цзычжоу не видел, где именно засел противник, но чутье не обманывало: дом под наблюдением! В такой момент нельзя было давать слабину.

Е Цзюньшу понимал: если он просто зайдет внутрь сейчас, это вызовет подозрения у лазутчиков. Нужно было срочно придумать, как обыграть ситуацию. «Есть идея!»

Он развернулся и, избегая людных мест, поспешил к дому лекаря Суна. Дом лекаря находился на отшибе — специально, чтобы было удобнее сушить и выращивать лекарственные травы. Е Цзюньшу тайком пробрался в сарай для инвентаря, скинул там всё свое снаряжение и присыпал его всяким хламом. Сверток с «сыпницей» он засунул за пазуху, прижав к груди так, чтобы под одеждой ничего не топорщилось. Только убедившись, что выглядит обычно, он вышел и забарабанил в дверь к лекарю.

— Лекарь Сун! Лекарь Сун! — кричал он, не переставая стучать в дверь.

— Иду, иду!

Лекарь Сун поспешно открыл:

— Что случилось, парень?

— Лекарь Сун, скорее, пойдёмте со мной, посмотрите Лу-гэра! Его всего обсыпало красными пятнами, даже на лице живого места нет! — задыхаясь от волнения, Цзюньшу схватил лекаря за рукав и потянул за собой.

— Не суетись, Цзычжоу, дай мне хоть сумку с лекарствами взять, — успокоил его старик.

Он не обиделся на бесцеремонность юноши: за годы практики лекарь навиделся всякого, и понимал, что когда близкие в беде, людям не до приличий. Схватив сумку, Сун поспешил вслед за Е Цзюньшу к его дому.

— Послушай, парень, расскажи поподробнее, что с Лу-гэром?

— Он всю ночь проплакал, промаялся, а утром у него начался жар. Сначала я не придал

значения, а недавно смотрю — всё тело в красных бляхах...

— Судя по твоему описанию, это какой-то острый недуг. Не паникуй раньше времени, сейчас поглядим, Лу-гэр обязательно поправится.

— Лекарь Сун, вы уж постарайтесь, вылечите его! — с тревогой в голосе причитал Цзюньшу. — Ему же такая удача выпала, к большому господину в услужение идти! А ну как господин побрезгует больным ребенком и прогонит его? Что мы тогда делать будем?

Лекарь Сун как-то странно покосился на Е Цзюньшу после этих слов. Он не стал давать пустых обещаний, лишь коротко бросил: «Сделаю всё, что в моих силах».

За разговором они дошли до ворот. Е Цзюньшу забарабанил в дверь, выкрикивая:

— Сяо Шань, открывай скорее! Сяо Шань!

Из дома послышался топот, и дверь распахнулась.

— Брат!

Цзюньшу даже не стал отвечать, он обернулся к лекарю:

— Лекарь Сун, прошу вас, идемте скорее в комнату. Я не хотел пугать остальных детей, поэтому запер его там и не велел выходить.

— Лу-гэр? Что с ним? — Сяо Шань был в полном замешательстве, но, видя лекарскую сумку и перепуганное лицо старшего брата, сам не на шутку разволновался. — Лекарь Сун, входите же, скорее!

Мин-аму, сидевший во дворе с шитьем и приглядывавший за детьми, тоже вскинулся:

— О, лекарь Сун пришел!

— Мин-аму, спасибо, что присмотрели за остальными. Я пригласил лекаря Суна осмотреть Лу-гэра, — быстро проговорил Е Цзюньшу, обращаясь к старику, и поспешно бросился в комнату.

— Ах ты горе какое! — Папа Мин вдруг хлопнул себя по бедрам, словно его осенило. — То-то я смотрю, Лу-гэр весь день в комнате сидит, носа не кажет, а он, оказывается, заболел! Лекарь Сун, вы уж постарайтесь, вылечите его! — Он вцепился в ремешок лекарской сумки и заговорил громким, звонким голосом, будто специально стараясь, чтобы его услышали на улице.

— Сделаю всё, что смогу! Сделаю всё, что смогу! — Лекарь Сун высвободил ремешок и поспешил в дом.

Сяо Шань порывался войти следом, но Мин-аму вовремя его остановил:

— Сяо Шань, не ходи пока. А ну как болезнь заразная? Пригляди за младшими.

Сяо Шань замялся, но, увидев перепуганных братьев, которые боялись даже пикнуть, увел их в другую комнату.

Е Цзюньшу ворвался в спальню, подхватил Лу-гэра и уложил на кровать. Быстро выхватив «сыпницу», он через тряпицу с силой провел ею по лицу, шее и рукам мальчика, затем затолкал остатки травы под одеяло и, примяв их, прошептал:

— Притворяйся больным.

Лу-гэр посмотрел на свои маленькие ручки: на белой нежной коже в тех местах, где провел брат, уже начали проступать ярко-красные пятна.

— Лу-гэр, сильно чешется? Болит? Не бойся, лекарь Сун пришел тебя осмотреть, скоро всё пройдет, только не чеши! — громко сказал Цзюньшу.

Лекарь Сун вошел с сумкой и, услышав жалобные стоны Лу-гэра, поспешил к кровати. Цзюньшу тут же уступил место:

— Лекарь Сун, посмотрите скорее!

Старик присел на низкую табуретку, вгляделся в лицо Лу-гэра, покрытое багровыми пятнами от подбородка до лба, осмотрел его руки и помрачнел. Повернувшись к Цзюньшу, он произнес сурово:

— Плохо дело. У Лу-гэра острая крапивница. Если пустить на самотек — и до беды недалеко!

Е Цзюньшу вскинулся в тревоге:

— А за два дня эти пятна сойдут? Шрамов не останется?

— Болезнь протекает бурно, за пару дней такое не проходит. Сейчас я выпишу снадобье, чтобы остановить заразу, иначе станет только хуже.

Услышав это, Цзюньшу принялся в отчаянии мерить комнату шагами, бормоча под нос:

— Что же делать? Только нашему Лу-гэру улыбнулась удача, только благородный господин его приметил, и всё прахом? Неужели всё зря?!

Он снова и снова переспрашивал:

— Лекарь, неужели за два дня с лица ничего не исчезнет?

Лекарь Сун покачал головой:

— О быстром исцелении и речи быть не может. Да и насчет шрамов — как знать, не останутся ли они навсегда!

— Быть не может! — вскричал Цзюньшу, невольно повысив голос. — Шрамы?! Но тогда наш Лу-гэр погублен!

— Лекарь Сун, может, есть какой способ? На кону богатство, жизнь среди знати...

Но лекарь лишь вздохнул с сожалением:

— Моё искусство не всеильно. Могу лишь попытаться сдержать недуг.

Мин-аму, который уже некоторое время стоял в дверях, слушая их разговор, тоже занервничал. С чего вдруг такая хворь привязалась? Когда он приходил, Лу-гэр просто выглядел вялым, и старик списал это на страх перед вчерашними гостями. Он и подумать не мог, что ребенок так серьезно занемог за считанные часы.

Лекарь Сун закончил писать рецепт и, наказав прийти к нему за лекарством, ушел, качая головой. Мин-аму, глядя на неузнаваемого Лу-гэра, запричитал:

— Бедный ты мой мальчик!

Братья, услышав крики, прибежали в комнату. Увидев Лу-гэра, чье лицо было усыпано красными бляшками, они — то ли от испуга, то ли от жалости — дружно заголосили. Е Цзюньшу, который терпеть не мог детских слез, принялся их успокаивать.

Цинь-гэр, обливаясь слезами, на своих коротких ножках вскарабкался на кровать и крепко обнял Лу-гэра:

— Третий брат, болит? Я подую... фу-у...

Понимая, что не может оставить детей, Цзюньшу обратился к старику:

— Мин-аму, прошу вас, сходите за лекарством вместо меня.

Старик вытер слезы и поспешил к лекарю. Цзюньшу, словно что-то вспомнив, догнал его у ворот, схватил за руки и торжественно прошептал:

— Мин-аму, умоляю, держите это в тайне! Не говорите никому, что Лу-гэр занемог. Вдруг господин прознает и решит, что это дурной знак? Тогда он точно его не возьмет!

Папа Мин кивнул, похлопав Цзюньшу по руке:

— Не волнуйся, я всё понимаю.

Он шел к дому лекаря, погруженный в свои мысли. Лекарь Сун уже собрал два мешочка с травами.

— Заваривайте по одному мешочку в день, — наставлял он. — Варить ровно час. Пить трижды в день через четверть часа после еды. Пусть выпьет эти две порции, а там я посмотрю, отступает ли болезнь.

Мин-аму взял свертки с тревогой:

— Лекарь, неужели это так трудно вылечить?

— Крапивница — болезнь коварная. У Лу-гэра она началась очень резко и в тяжелой форме. Быстро на поправку он не пойдет.

Старик поблагодарил и отправился обратно. На полпути ему встретился гэр средних лет из семьи Ху Вторых. Увидев Мин-аму, тот заулыбался:

— Эй, хозяйюшка Е Пярых, куда это ты так спешишь?

— А, это ты, Ху-гэр! — папа Мин улыбнулся как-то неестественно.

— Слушай, по деревне слух прошел, будто Лу-гэра большой человек забирает. Правда ли? — прошептал Ху-гэр, оглядываясь.

— Где это ты такой ерунды набрался? — Лицо Мин-аму изменилось.

— Да ладно тебе! Вся деревня гудит. Вчерашних гостей-то многие видели. Неужто Цзычжоу теперь в гору пойдет?

— Да еще бабушка надвое сказала, пойдет он куда или нет! — огрызнулся папа Мин.

— Это почему же? — заинтересовался собеседник. — Неужто заминка какая вышла? Рассказывай давай!

Мин-аму с досадой потрянул лекарственными мешочками:

— Не видишь, что ли? Лекарство несут! У Лу-гэра крапивница открылась, всё тело в пятнах. Даст Бог, если вообще вылечим.

— Крапивница! — ахнул Ху-гэр, и голос его взлетел на несколько октав. — Это же лицо всё испортит!

В начале деревни жил парень, который переболел этим в детстве: хоть и выздоровел, но лицо осталось рябым, и с тех пор его все звали не иначе как «Рябой».

Мин-аму, словно осознав, что сболтнул лишнего, напрягся. Он испуганно огляделся и прикрикнул:

— Цыц! Мелешь тут невесть что! С чего бы Лу-гэру лицо портить? У него судьба великая, не смей болтать лишнего!

С этими словами он развернулся и припустил прочь.

— Эй, куда ты? Мы же только начали... — Ху-гэр попытался было догнать его, но папа Мин даже не обернулся, поспешно скрываясь из виду.

Ху-гэр проводил его колючим взглядом, переступил и сплюнул на землю:

— И чего так задаваться? Подумаешь, какой-то деревенщина-гэр, а туда же — возомнил, что взлетит на ветку и станет фениксом? Столь великую удачу еще вынести надо, не каждому по плечу, хм!

Усадьба «Изящный сад»

Мин Тринадцатый стоял на одном колене в центре зала и, полусклонив голову, четко и беспристрастно докладывал о том, что удалось разузнать в тайне. Мин Пэнкунь, вальяжно развалившись в кресле на почетном месте, прищурился и медленно крутил на большом пальце нефритовый перстень с облачным узором. Лицо его постепенно мрачнело.

Едва Мин Тринадцатый закончил доклад, Ван Чжигао, не дожидаясь реакции господина, вскочил и в праведном гневе закричал:

— Подлый люд! Вот уж точно — деревенское хамье! Слава богу, Второй господин проявил мудрость и велел приглядеть за ними. Ради богатства и знатности они посмели задумать такой обман! Второй господин, вы само провидение — сразу раскусили их план! Позвольте, я немедленно возьму людей и схвачу этих преступников, чтобы смыть оскорбление, нанесенное вам!

Мин Пэнкунь с потемневшим лицом с силой ударил по столу:

— Мин Тринадцатый!

— Слушаю, господин.

— Коня! — Он хотел лично увидеть, во что превратился тот дивный мальчишка, которого он

приметил.

— Слушаюсь.

Ван Чжигао, чувствуя, что действует в интересах Второго господина, суетливо созывал людей, приговаривая: — Второй господин, не извольте гневаться. Я взял с собой искусного лекаря, пусть сначала глянет, что там за хворь. Глядишь, еще можно будет всё исправить.

Мин Пэнкунь лишь взмахнул рукавом, холодно хмыкнул и стремительно вышел наружу.

Мин-аму принес лекарство. В доме дети только-только перестали плакать: они либо висли на Е Цзюньшу, либо не отходили от кровати Лу-гэра. Увидев папу Мина, Е Цзюньшу выдавил горькую улыбку:

— Мин-аму, сейчас, когда Лу-гэр в таком состоянии, я не смогу за всеми уследить. Могу я попросить вас забрать Цинь-гэра и близнецов к себе на пару ночей?

Тот, разумеется, согласился. Но малыши не хотели уходить. Тогда Е Цзюньшу спросил:

— Вы ведь хотите, чтобы третий брат поправился?

Дети хором ответили: — Хотим!

— Тогда поживите у Мин-аму две ночи. Когда вернетесь — третий брат будет здоров! Но если останетесь здесь, он не сможет поправиться, понимаете?

Объяснение было шито белыми нитками, но для детей, старшему из которых не было и семи, слова брата были истиной в последней инстанции.

Цинь-гэр тут же отозвался:

— Мы пойдем к Мин-аму. Брат, ты только вылечи третьего брата скорее.

Цзюньшу погладил каждого по голове и посмотрел на Сяо Шаня. Тот поспешно вставил:

— Брат, я останусь, буду помогать тебе с Лу-гэром!

— Нет, ты пойдешь с ними. Присматривай за малышами, чтобы не озорничали. Понял?

— О... — Сяо Шань понуро опустил голову.

Проводив детей, Е Цзюньшу присел на край кровати и коснулся лица Лу-гэра:

— Не бойся. Брат рядом.

За день «сыпница» подействовала в полную силу: красные пятна на теле Лу-гэра выглядели по-настоящему жутко. Выйди он в таком виде на улицу — распугал бы всю детвору. От прежнего нежного, выточенного личика не осталось и следа. И хотя Цзычжоу знал, что это временно, сердце его обливалось кровью. Лу-гэр всё еще нервничал, но, веря брату, лишь решительно кивнул.

— Пойду заварю лекарство, а ты отдохни.

Едва Е Цзюньшу успел поставить отвар на огонь, как в ворота бешено забарабанили. Он бросился открывать, но не успел добежать: раздался треск ломающегося дерева, и тяжелые лакированные ворота, разлетевшись на щепки, рухнули внутрь. Ворвалась группа вооруженных людей.

Е Цзюньшу округлил глаза и истошно закричал: — Вы кто такие?! Что происходит?! Мало того, что вломились в частный дом, так еще и ворота разнесли! Я на вас уездному судье пожалуюсь, в тюрьму всех засажу!

В этот момент в сад, выпятив живот, вошел Ван Чжигао в официальном халате. Задрал подбородок, он прошипел:

— И кого же ты собрался в тюрьму сажать?

Цзычжоу замер. «Так это же наш господин судья!» Глаза его лихорадочно блеснули, и он засеменял навстречу, рассыпаясь в поклонах:

— Господин судья! Простите дурака, не признал вас в суматохе! Это всё недоразумение, чистое недоразумение! Ваш визит в нашу лачугу — великая честь, наш дом просто сияет от вашего присутствия!

Ван Чжигао благосклонно принял лесть и, отойдя в сторону, надменно указал на вошедшего вслед за ним человека:

— А это — Второй господин!

В окружении стражи вошел тот самый «Второй господин». Е Цзюньшу взглянул на него и тут же изобразил неопишуемый восторг, за которым скрывалась рабская покорность:

— Тот самый Второй господин?! Наслышан, безмерно наслышан! Какая честь, что вы обратили внимание на нашу семью! Я — старший брат Лу-гэра. Вы, должно быть, не знаете, но с тех пор, как не стало наших родителей, я сам растил его, мы друг другу дороже всех на свете... Сердце кровью обливается при мысли о разлуке, но раз он приглянулся вам — это его великая доля, я

и говорю...

— Хватит, хватит! У Второго господина нет времени слушать твою болтовню! — нетерпеливо перебил Ван Чжигао. — Где Лу-гэр? А ну, выводи его к господину.

— Но... как же... — Е Цзюньшу забежал глазами и заплетающимся языком пробормотал: — Ведь господин управляющий обещал мне отсрочку в пару дней... Сегодня только второй день...

Мин Пэнкунь с самого момента входа в этот нищий, тесный двор хранил молчание. Один взгляд на этого деревенского парня вызвал у него брезгливость: поношенная одежда не по размеру, сутулая спина, глаза, полные жажды наживы — таких типов он видел сотнями. Он лишь кивнул Мин Тринадцатому. Тот мгновенно исчез в дверях дома.

Е Цзюньшу в панике дернулся было наперерез, но другой стражник коротким резким ударом в подколенную чашечку сбил его с ног. Цзычжоу истошно вскрикнул от боли и рухнул на колени.

В следующую секунду из комнаты вышел Мин Тринадцать, неся в руках Лу-гэра. Он подошел к хозяину: — Второй господин.

Лу-гэр от страха онемел. Он широко открытыми глазами смотрел на человека перед собой. Мин Пэнкунь опустил взгляд. Где был тот изысканный красавчик из его воспоминаний? Кожа ребенка была густо усыпана отвратительными багровыми пятнами. Мин Пэнкунь никогда в жизни не прикасался к подобной мерзости — его передернуло от брезгливости, и он с силой оттолкнул ребенка от себя. Мин Тринадцать тут же разжал руки, и Лу-гэр отлетел на землю на несколько метров. Стражник подал господину платок, и тот принялся остервенело вытирать руки.

«Лу-гэр!» Внутри Е Цзюньшу вскипела ледяная ярость, но он подавил желание броситься в бой. Вместо этого он, дрожа всем телом, заискивающе забормотал:

— Второй господин, эта хворь лечится! Нужно лишь немного времени, я клянусь...

Ван Чжигао подал знак, и в круг ввели седого старика с лекарской сумкой. Тот ворчал на ходу: — ...Такая спешка, хоть бы о старых костях подумали! Что, раз судья, так и всё можно? Вот прихватит у вас голову — не ищите меня!

Ван Чжигао, чувствуя, что теряет лицо перед знатным гостем, грубо оборвал его: — Хватит паясничать перед Вторым господином! А ну, быстро осмотри мальчишку!

Старый лекарь окинул взглядом незнакомцев — по их лицам было ясно, что шутки плохи. Он замолчал, подошел к лежащему на земле Лу-гэру, осмотрел лицо, шею, руки, проверил пульс. Затем принялся поглаживать бороду, то кивая, то качая головой.

Ван Чжигао увидел, что Второй господин уже заметно теряет терпение, и поспешно спросил: — Ну, что скажешь?

Старый лекарь, поглаживая бороду, изрек: — Это острая крапивница. Сия хворь чаще всего поражает детей от шести до двенадцати лет. В легких случаях кожа лишь розовеет, и тогда достаточно отваров и лечебных ванн: при должном уходе снаружи и изнутри недуг отступает

за полгода-год. Однако при тяжелой форме на коже проступают багровые пятна и гнойные нарывы. У этого гэра — самая тяжелая форма...

Ван Чжигао тут же нетерпеливо перебил: — Вылечить-то можно?

Старик кивнул: — Можно. Если соблюдать осторожность, то года через два-три есть шанс на выздоровление.

Сердце Е Цзюньшу екнуло, а лекарь продолжил: — Однако при таких симптомах, даже если он поправится, на коже неизбежно останутся шрамы. Какая жалость, такая красота загублена! Старик погладил бороду, глядя куда-то вдаль с выражением глубокого сострадания.

Е Цзюньшу изобразил на лице крайнюю степень разоблачения, но продолжал отпираться: — Вранье! Лу-гэр такой красавец, у него не может остаться никаких отметин!

«Неужели и правда останутся шрамы?» — Ван Чжигао, который до этого верил лишь на семьдесят процентов, теперь был убежден полностью. Этот старик был лучшим лекарем в городе. Пусть он и корчил из себя святошу, на деле был жаден до дрожи: без звонкой монеты и пальцем бы не пошевелил, даже если бы перед ним умирали. К тому же, судья и сам не слышал, чтобы дети после такой крапивницы оставались с чистой кожей. За столько лет он привык доверять этому лекарю. Теперь же Ван Чжигао был вне себя от ярости: он вызвался помочь, надеясь выслужиться перед Вторым господином, а вышло такое позорище!

Лицо Мин Пэнкуня стало мрачнее тучи. Жалкие букашки посмели водить его за нос? Смертники! Ван Чжигао, видя гнев гостя и боясь, что вину возложат на него, решил немедленно выпустить пар на виновных.

Он властно указал на Е Цзюньшу:

— Ничтожный простолюдин! Посмел подсунуть Второму господину порченный товар! Как ты, крыса, вообще посмел что-то замышлять против господина? Раз ты не знаешь, как высока земля и как глубоко небо, я тебя научу! Люди, бить его! Бить беспощадно!

— Слушаемся, господин!

Несколько свирепых стражников окружили Е Цзюньшу. Удары кулаков и подкованных сапог посыпались на него градом. Если бы Ван Чжигао не среагировал первым, Мин Пэнкунь сам бы приказал своим Мин-гвардейцам разделаться с наглецом. Но раз уж нашелся тот, кто готов пачкать руки за него, Второй господин лишь холодно наблюдал, крутя перстень на пальце.

— Бейте сильнее! — подстегивал Ван Чжигао. Этого ему показалось мало. Один из стражников где-то раздобыл деревянный шест; когда кулаки и ноги устали, в ход пошли палки. Никто не приказывал остановиться, даже когда изо рта Цзычжоу брызнула кровь.

— Пощадите, господа! Пощадите! — у ворот внезапно возникла толпа жителей деревни Ецзяцунь. Их было так много, что они просто смяли охрану на входе и хлынули во двор, падая на колени и начиная неистово бить поклоны.

Староста Жун протиснулся вперед, умоляя: — Господа, проявите милосердие! Мальчишка Цзычжоу с детства сирота, некому было его наставить, вот и помрачился разум от страха и

глупости. Это я, старый дурак-староста, и мы, старшины, не досмотрели! Он уже всё понял, пощадите его, не лишайте жизни!

— Пощадите, господа!

Ван Чжигао хорошо знал старосту Ецзяцунь — тот каждый год исправно приносил подношения. К тому же, видя столько разгневанных крестьян, судья побоялся, что дальнейшая расправа может вызвать бунт.

Он вопросительно взглянул на Мин Пэнкуня:

— Второй господин, как прикажете быть?..

Мин Пэнкуню уже давно опостылело торчать в этой дыре. Он равнодушно мазнул взглядом по окровавленному телу, которое лежало на земле не шевелясь, холодно хмыкнул и, взмахнув рукавом, зашагал к выходу.

Ван Чжигао бросил на старосту косой взгляд и процедил сквозь зубы:

— Пеняйте на себя.

— Уходим!

Свита быстро скрылась. Во дворе остались только жители деревни. Несколько крепких мужиков выглянули за ворота и, убедившись, что незваные гости уехали, подали знак. Староста тут же засуетился:

— Скорее! Посмотрите, жив ли он?

Мужики, подошедшие к Е Цзюньшу, боялись даже коснуться его.

— Столько крови... Неужели преставился?

— На нем же живого места нет, одна сплошная рана...

Лекарь Сун, который до этого прятался среди односельчан, быстро вышел вперед, проверяя дыхание и пульс.

— Дышит еще! — Он вложил Е Цзюньшу в рот какую-то пилюлю. — Живо несите в дом!

Мужики осторожно подняли окровавленное тело. В этот момент очнулся Лу-гэр. Когда его отшвырнули, он ударился головой и потерял сознание; по его лбу всё еще текла кровь. Приходя

в себя под гомон голосов, он увидел хаос и лужу алой крови на земле. Мальчик в ужасе бросился к брату, осторожно схватил его за окровавленную руку, и слезы хлынули из глаз неудержимым потоком:

— Брат... они ушли... только не умирай... умоляю...

Е Цзюньшу так и не потерял сознание до конца. Тело, принимавшее удары, словно уже не принадлежало ему; все его мысли были сосредоточены только на одном — когда они уйдут. Лишь когда они уйдут, Лу-гэр будет в безопасности. «Когда Лу-гэра бросили, не сильно ли он ушибся?..» Поначалу он еще пытался незаметно прикрывать жизненно важные органы, но под конец держался только на голом упрямстве.

Сквозь туман боли он услышал голос старосты Жуна, затем — шум отбывающих всадников. И наконец, тихий шепот Лу-гэра... Струна, державшая его в сознании, лопнула, и он провалился в темноту.

<http://bllate.org/book/15226/1355882>